

Восстановление

ДНЁМ УЧИЛИСЬ, НОЧАМИ РАБОТАЛИ,

Трудно представить, что ставропольские студенты грелись в читальном зале у печки-буржуйки и писали конспекты на обрывках старых газет под мерцающим светом чадящих керосиновых ламп.

Они пережили голод, холод, смерть близких... Они равнялись на своих товарищей - вчера таких же студентов, а сегодня бойцов и командиров Красной армии, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной

Воевать директор ушёл в числе первых

В самом начале войны на фронт из Ставропольского педагогического института ушли многие преподаватели и студенты, в их числе и директор Петр Владимирович Кулев. Институт, между тем, продолжал работать, руководство спешно перестраивало учебные планы, воспитательную, научную и хозяйственную работу - предстояло досрочно произвести очередную выписку, пополнить в школах края поредевшие ряды учителей.

Учеба все чаще прерывалась нуждами обороны, студентов привлекали на сельскохозяйственные, рытье противотанковых рвов, строительство укрепленных точек. Чтобы заменить в селе ушедших на фронт механизаторов, в институте ввели обязательное изучение основ сельского хозяйства и автотракторного дела.

В 1942 году все без исключения факультеты осуществили досрочный выпуск молодых учителей из тех, кто шел за парты в 1939 и 1940 годах. В школы вуз направил 175 учителей-предметников. Студенты в это лето отказались от каникул, преподаватели - от отпусков, отправившись на колхозно-совхозные поля.

Институт готовился к новому учебному году, но 3 августа Ставрополь оказался во власти немцев. Потянулись месяцы вражеской оккупации.

При отступлении, в январе 1943-го, войска вермахта подвергли город страшному разорению. В том числе взорван был главный учебный корпус пединститута, разрушены и разграблены кабинеты, лаборатории, библиотеки, геологический музей, уничтожен ботанический сад... Чтобы вернуться к нормальной работе, казалось, понадобится годы.

Подготовка к занятиям в институте началась уже через три дня после освобождения города. 30 января временная администрация вуза в докладной записке на имя председателя горисполкома попросила «утвердить смету расходов, связанных с возобновлением работы института, в сумме 26400 рублей». Эта просьба была удовлетворена.

Посетителей библиотеки согревали чаем

А 5 февраля прошли первые после полугодового перерыва занятия. В этот день за парты сели 70 студентов педагогического и учительского (давал незаконченное высшее образование) институтов, как правило, девушек. На их хрупкие плечи и легла вся тяжесть восстановительных работ.

Занятия поначалу проводились только в здании по улице Дзержинского, 153, где до оккупации размещался студенческое общежитие. Институт не мог пользоваться библиотекой, на дверях ее висела табличка «Мины».

Когда саперы проверили библиотечные помещения, выяснилось, что из фонда исчезла треть всех книг - более 21 тысячи экземпляров. Полному разграблению подверглись книги на немецком языке, ценные атласы, альбомы по искусству, роскошные издания.

Уже вскоре был проведен прием на первый и старшие курсы факультетов русского языка и литературы, физико-математического, географического, естественного и иностранных

языков, а также на четыре отделения учительского института. На начало мая в вузе уже обучалось более 450 студентов и 282 на отделениях учительского института.

К этому времени в рабочее состояние привели книжный фонд библиотеки, восстановили лаборатории общей и аналитической химии, кабинеты физики, зоологии, ботаники, анатомии и физиологии человека, педагогики, военного дела и физкультуры, основ марксизма-ленинизма, географии, иностранных языков.

«Первое после оккупации время работать приходилось в тяжелых условиях, - вспоминал директор библиотеки Аркадий Кириллович Комаровский. - Окна забили досками, соорудили входную дверь, в читальном зале повесили керосиновые лампы.

В нескольких помещениях поставили печки-буржуйки, но все равно было жутко холодно. Директор института принял решение каждому посетителю библиотеки выдавать горячий чай».

Бывало, у студентов случались голодные обмороки. Для снабжения институтской столовой продуктами весной приступили к восстановлению подсобного хозяйства. В первый год удалось засеять 50 гектаров куку-

зования в СССР, руководил институтом около десяти лет. До этого в директорской должности работал в Пермском, Ленинградском и Свердловском пединститутах.

В ноябре 1937-го Козырева обвинили в том, что он давал положительные характеристики на тех, кого впоследствии изобличили как «врагов народа». Но судьба хранила ученого. После четырехмесячного ареста его освободили и перевели в Ставрополь, в провинцию. Удивительно и то, что Козыреву после освобождения из-под ареста снова вернули директорский пост.

В 1944 году Александр Васильевич за выдающуюся роль в подготовке педагогических кадров был удостоен ордена Трудового Красного знамени - одной из высших советских наград.

Заменить лиц, себя скомпрометировавших

Почти сразу после освобождения края последовали аресты, многочисленные закрытые и открытые суды над «пособниками» оккупантов. О том, кого нередко причисляли к «пособникам», в свое время поведал ста-

Дамоклов меч висел над всеми, кто был в оккупации. Не случайно в паспорте появилась графа «Был ли в оккупации». И если был, значит, многое узнал из того, что знать не должен был! Этим клеймом власть отбраковывала всех «сомнительных» и «подозрительных».

В июле 1943 года на партсобрании пединститута обсудили письмо краевого комитета ВКП (б) «О мерах борьбы против фактов политической беспечности в отношении лиц, активно сотрудничавших с немецкими оккупантами». Приведенные в письме сведения прямо относились к институту.

Так, из 88 преподавателей 48 остались на оккупированной территории. В свою очередь 14 из них «работали в научно-исследовательском обществе, созданном оккупантами на базе института, и на курсах немецкого языка».

С самого начала собрание приняло бурный характер, раздавались голоса изгнать некоторых преподавателей из института. По итогам обсуждения постановили:

«Ввиду того, что в ближайшее время нет возможности заменить на преподавательской работе лиц, скомпрометировавших себя во время оккупации, обязать партийное бюро и дирекцию усилить контроль за работой этих преподавателей. Одновременно с этим вести интенсивную работу по приглашению в институт по конкурсу достойных товарищей, которыми заменить лиц, сотрудничавших с оккупантами».

Можно не сомневаться, что магистр постановления во многом обеспечил лично директор института Козырев, в свое время сам пострадавший от репрессий. Однако защитить всех своих подчиненных ему было не по силам. В числе первых уволен был декан факультета русского языка и литературы А.Н. Ведмицкий.

Между тем, занятый проблемами восстановления института, коллектив не забывал и о нуждах фронта. В 1943-1944 учебном году военная кафедра подготовила сотни пулеметчиков, автоматчиков, бронебойщиков, минометчиков, снайперов, сандружинников. Летом комсомольцы выезжали на работы в село, профессора и доценты читали для населения лекции.

Несмотря на то, что каждый факультет на три-четыре часа в день посылал своих студентов и преподавателей на восстановительные работы, главный учебный корпус по-прежнему лежал в руинах. В январе 1944-го Наркомпрос РСФСР ассигновал институту 300 тысяч рублей. Из Пермского университета и Тамбовского пединститута безвозмездно было передано 20 тысяч томов учебной и научной литературы.

Новый 1944-1945 учебный год был ознаменован открытием исторического факультета. Директор института подписал приказ:

«В связи с организацией в составе пединститута исторического факультета, по предствлению завкафедрой марксизма-ленинизма Г.П. Булатова выделить исторические дисциплины в самостоятельную кафедру истории, в состав которой, вплоть до окончательного ее укомплектования, возложить на члена кафедры основ марксизма-ленинизма А.С. Звенигородского».

Он же стал и первым деканом. На первый курс факультета было зачислено 24 человека, как правило, уволенные в запас по ранению фронтовики.

На восстановлении корпусов и общежитий пединститута. Сзади носилки держит директор Александр Васильевич Козырев

рузы и подсолнечника, посадили картофель, и с сентября студентов обеспечили двухразовым питанием.

До войны институт имел оборудованный учебный корпус полезной площадью 8 тысяч квадратных метров. После оккупации используемая для занятий площадь сократилась до 700 квадратных метров. Практически не осталось учебников, лекции писали на старых газетах между строк, квантиях, на любом клочке бумаги. Чернилами служила обычная сажа из печи, которую разводили водой. Остро не хватало мебели, лекции нередко слушали стоя.

Но тяга студентов к знаниям была огромна как никогда. Каждый воспринял учебу как личный вклад в дело победы.

«Всего за год работы после оккупации, - докладывал директор института, профессор Александр Козырев, - мы сумели поднять институт до уровня 1942 года, а кое в чем и превзойти: контингент студентов и состав научных работников сейчас у нас сильнее».

Александр Васильевич Козырев, один из организаторов высшего обра-

рожил города, краевед Владимир Александрович Ивановский:

«Люди в условиях «нового порядка» гитлеровцев, спасая свои семьи от голода, были вынуждены трудиться. Их потом отправляли в лагеря. Более суровая участь ждала тех, кто работал на военных объектах, возглавлял при немцах предприятия».

В «пособники» нередко зачисляли студентов и преподавателей ставропольских вузов. В марте 1943 года за невинную заметку о Казанском соборе был арестован и осужден на пять лет лагерей студент Ставропольского зооветеринарного института Николай Лучник. После освобождения окончил полный курс университета, стал доктором наук. С 1963-го по 1993 год, до самой смерти, работал в Институте медицинской радиологии Академии медицинских наук СССР в Обнинске. Автор многочисленных научных трудов.

В руки советского правосудия попал К.Т. Беляцкий, педагог, возглавлявший в городской управе народное образование. После лагерей Беляцкий все же вернулся домой - страшно худой, скрюченный человек, будто с другой планеты.

НО ЛЕКЦИЙ НЕ ПРОПУСКАЛИ

Миссию, возложенную на них Родиной, выполнили

Газеты того времени часто публиковали материалы о подвигах выпускников и преподавателей ставропольских институтов, тех, кто со студенческой скамьи ушел на фронт.

Одним из первых в 1941 году ушел воевать выпускник физико-математического факультета пединститута Иван Мазницин. В январе 1945-го в записке о приеме в партию он писал:

«Танки моего взвода прошли тысячу километров, освободя советскую землю от немецко-фашистских захватчиков. Теперь я получил почетную боевую задачу - вести разведку впереди части. Мы выполним возложенную на нас Родину миссию, знамя победы принесем в Берлин. Прошу принять меня в партию».

Сожжённое здание зооветеринарного института

Спустя несколько часов после решения партийного бюро о приеме в партию молодой коммунист повел свое подразделение в бой. Экипаж танка погиб, а командир, раненный в обе ноги, вел бой до последнего патрона - его он приберег для себя.

За образцовое выполнение боевого задания и проявленные при этом отвагу и героизм старшему лейтенанту Ивану Сергеевичу Мазницину было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. Ему было 24 года.

На долю другого воспитанника института Ивана Архипова выпало участие в тяжелых оборонительных боях 1941-го, окружение и бой в лесах Украины, в партизанском соединении Сидора Артемьевича Ковпака.

В заметках партизана М. Андросова «Храбрые сердца» рассказывается: «Во время боя за село Буйновичи Иван Архипов первым ворвался в помещение комендатуры. Удар партизан был таким неожиданным и сильным, что все фашисты сдались на месте...»

Архипов на их глазах взял телефонную трубку, позвонил и сообщил немецкому коменданту местечка Лельчица, что с ним говорит красный партизан Архипов и что всем фашистам в Буйновичах пришел «капут».

Незадолго до своей гибели на Рязанщине Иван Георгиевич писал:

«Я разведчик. Особенно героического ничего не сделал, но перед Родиной не был и не буду в долгу. Я воюю, как каждый из нас. За свою голову хочу сорвать немецких двадцать голов. Меня представили к награде. Думаю оправдать награду».

На фронтах Великой Отечественной войны воевали и были отмечены наградами сотни преподавателей, выпускников и студентов вузов.

Гордость аграрной науки превратили в руины

22 июня 1941 года во дворе Ворошиловского зооветеринарного института было не протолкнуться. Митинг открыл заведующий кафедрой марксизма-ленинизма И.К. Беломестных, напомнив о героических страницах в истории страны, о победах над немцами на Чудском озере, под Нарвой и Выборгом.

Уже на следующий день многие, в том числе директор института Герасим Хрисанфович Алафинов и секретарь комсомольской организации И.В. Хаданович ушли на фронт. Большинство добровольцев были студентами и преподавателями факультета ветеринарной медицины, призванными в кавалерию. Оставшиеся отправились в хозяйства края и вузовский учхоз. Все лето ребята скрывали сено, убира-

Когда в январе 1943 года советские войска освободили город, в институте числились 193 студента и 25 преподавателей.

Отступая, немцы оставили после себя разруху. Гигантской свечой горела восьмая школа в районе нынешнего цирка. Горели пакгаузы взорванного железнодорожного вокзала. Тяжелый взрыв волной прошелся по городу - это оккупанты уничтожили фасад бывшей гулиевской мельницы. На воздух взлетела часть третьей школы, ремесленного училища, Нижней бани... Взрывы слились в сплошную канонаду, не утихавшую до самой ночи 20 января.

Были разорены и уничтожены практически все большие и малые промышленные предприятия, больницы, школы, высшие учебные заведения, центральный почтамт, здания НКВД, Осоавиахима, летний театр в Первомайской роще, театр им. Ленина (здание филармонии)... Только благодаря патристическим акциям студенческой молодежи и взрослого населения удалось спасти некоторые строения от полного уничтожения.

Попавший в учебный корпус института снаряд не взорвался, но вызвал пожар, уничтоживший большую часть строения. Были взорваны баня и прачечная. Наполовину сожжено одно из общежитий, разрушены студенческая столовая, складские помещения, пострадали все три фермы учебно-опытного хозяйства.

В годы войны институт безвозвратно потерял большую часть учебных пособий, книг, редкие энтомологические коллекции.

Зооветеринарный институт. Восстановительные работы

ли урожай, а осенью старшекурсники получили из военкомата повестки.

В главном учебном корпусе института развернули самый крупный в городе госпиталь на 1200 коек. Здесь работали около 400 врачей, медсестер и санитаров, шефствовали над ранеными студенты и преподаватели. Первый эшелон раненых поступил сюда из Керчи.

С началом оккупации в августе 1942-го Сельскохозяйственная группа германской военной хозяйственной инспекции предложила институту возобновить занятия, и в конце октября за парты сели около 250 студентов. Занятия в основном проводились по прежним учебным планам и программам за исключением политических и военных дисциплин, обязательным стало изучение немецкого языка и Закона Божия.

Попечителем вуза назначен был профессор Вальтер - один из представителей финансирующей институт немецкой хозяйственной инспекции. Возглавлял институт Б.Г. Имбс. Удивительно, что ни оккупационные власти, ни советская власть потом его не тронули. Более того, Имбс защитил докторскую и продолжал работать в университете вплоть до 70-х годов.

Немцы вывезли лабораторное оборудование, аппаратуру, инвентарь. Согласно документам в общей сложности вузу был нанесен ущерб на сумму более 6,8 миллионов рублей.

Одержимые чувством гражданского долга

Между тем уже 25 января, спустя всего четыре дня после освобождения города, возобновились занятия на зоотехническом и агрономическом факультетах. К учебе приступили 188 студентов. Своими силами, вручную, они восстанавливали здания института и общежитий.

Конспекты в группах писал кто-то один - на страницах старых газет и журналов. После занятий записи читали вслух. Занимались при свете керосиновых котликов. В неотапливаемых комнатах общежитий было так холодно, что вода в умывальниках за ночь превращалась в лед. В аудиториях температура не поднималась выше пяти градусов.

А ведь у большинства не было даже сносной обуви и одежды. Для выживания по ночам приходилось разгружать

Взорванное здание пединститута. Рис. Владимира Клёнова

вагоны, подрабатывать уборщиками, шить одеяла. Но, несмотря на все трудности, занятия ребята пропускали лишь в крайних случаях.

С весны в учебном хозяйстве начались сельхозработы. Пахали на волах и коровах, мотыгами пропалывали посева, серпами и косами убирали хлеб, вручную убирали кукурузу и подсолнечник. Часть зерна и молока сдавали в счет обязательных поставок государству.

В труде забывались невзгоды, студенты и преподаватели вновь обрели надежду на светлое будущее и преданно ждали возвращения к семейному очагу родных и близких.

Сегодня на стеле во дворе аграрного университета выбиты имена 33 погибших в годы Великой Отечественной войны преподавателей и студентов. Под Москвой в бою пал Иван Кириллович Беломестных, открывший митинг у стен родного института 22 июня 1941 года.

Жертвой холокоста стала завкафедрой физиологии сельскохозяйственных животных Маргарита Карловна Крымская и ее шестилетний сын. Супруга одного из сотрудников института предлагала спрятать их у себя, но, не желая никого подвергать опасности, Крымская отказалась. Ее муж Александр Арсеньевич Смирнов прошел всю войну, был неоднократно награжден и в мирное время возглавил зоотехнический факультет.

В первые дни оккупации в партизанский отряд ушла студентка Дора Карабут. Во время одной из разведывательных операций девушка попала в плен. Дору пытали, но товарищески она не выдала. В декабре 1942 года отважную разведчицу расстреляли.

О подвиге девушки в мае 1943 года написал военный журнал ЦК ВЛКСМ «Смена». В этой небольшой заметке есть такие строки:

«Мы снова говорим сегодня о патриотизме, потому что еще не везде и не всегда у нас понимают, что значит быть патриотом».

Иные думают, что достаточно человеку один раз сделать какое-нибудь полезное дело, и он уже получает право называться высоким именем патриота. Другие придерживаются совершенно противоположной точки зрения - они утверждают, что патриотом может называться только тот, кто совершил на войне героический подвиг и кровью обессмертил свое имя.

Кто же прав? Мы думаем, что и те, и другие сужают понятие патриотизма.

Патриотизм - это высокое чувство гражданского долга. Истинный патриот тот, кто вдохновенно любит землю свою русскую; кто в этой вечной молодости и горячей любви постоянно черпает силы для полезного дела; кто неизменно печется о славе родины...

...мало быть только преисполненным одним чувством патриотизма, мало одного декларирования своей преданности родине - патриотизм требует дела».

И спустя 75 лет звучит своевременное и актуально.

Алексей КРУГОВ,
Олег ПАРФЕНОВ

При подготовке публикации были использованы материалы музеев СКФУ и СтГАУ. Продолжение в следующем номере.